

Девушка смотрела на большое желтое пятно от апельсинового сока на своей белой форме. Губы ее мелко дрожали, и она не знала, стоит ли послушно вернуться назад или все же налить пассажиру новый стакан.

Поколебавшись, она решила послушаться и, вернувшись, объяснить пассажиру, что сок закончился.

Весь остаток полета прошел спокойно, и самолет приземлился в Цзянчэне на десять минут раньше расписания. Некоторые пассажиры при выходе жаловались на сильную тряску в середине пути — мол, непонятно, как пилот управлял самолетом.

Гу Чиси и ее помощница сидели на своих местах, не двигаясь. Даже когда все остальные пассажиры уже давно ушли, они не спешили покидать салон.

Четвертый номер в смятении подбежала к ним с извинениями, а старший бортпроводник попыталась заступиться:

— Госпожа Гу, она на этой позиции всего ничего, сегодня...

— Разве при умеренной турбулентности нужно продолжать обслуживание? — холодно перебила ее Гу Чиси и медленно поднялась.

— ...

Свет ламп, словно мягкий туман, окутывал ее кожу, белую, как фарфор. Взгляд, подобный глубокому омуту, поочередно скользил по лицам каждого члена экипажа — равнодушный, но обладающий незримой властью.

Все переглянулись, не смея произнести ни слова.

Вероятно, они решили, что Гу Чиси хочет найти виноватых, но у них были свои трудности: скажешь, что обидно — сочтут оправданием, промолчишь — останешься виноватой. Все пребывали в нерешительности.

— Ну? — Гу Чиси посмотрела на старшего бортпроводника.

Та закусила губу и, помедлив, ответила:

— Госпожа Гу, дело в том, что отдел обслуживания салона сейчас требует сокращать штат на рейсах. На узкофюзеляжных самолетах, вроде 320-го, выделяют всего четверых: двое впереди, двое сзади. Когда пассажиров много, мы просто не успеваем...

Рейс короткий, почти полная загрузка, и даже если просто раздавать воду и закуски, времени катастрофически не хватает.

— К тому же сейчас любая жалоба пассажира считается обоснованной, независимо от причин. Нас штрафуют за все подряд, мы... мы в очень тяжелом положении.

Нелепые правила долгое время отравляли им жизнь, но все терпели — никто не хотел быть тем, кто первым начнет бунт. Сегодняшнее признание выглядело как жалоба через голову начальства: если узнают руководители отдела, то потом жизни не дадут.

Две другие девушки и парень согласно закивали.

Гу Чиси молча слушала. В ее холодных глазах наконец промелькнуло какое-то чувство — то ли удивление, то ли озабоченность. Взгляд ее внезапно потяжелел, став непроницаемым.

В этот момент открылась дверь кабины пилотов.

Оттуда вышла Вэнь Нин, а следом за ней — первый и второй помощники. Она столкнулась взглядом с Гу Чиси.

— Госпожа Гу еще не ушла? — машинально вырвалось у нее.

Поняв, что ляпнула лишнее, она не смогла взять слова назад и решила просто сделать вид, что ничего особенного не произошло.

Гу Чиси невозмутимо смотрела на нее, и взгляд ее немного смягчился:

— Все сегодня потрудились. Возвращайтесь и как следует отдохните.

Слова были адресованы всем, но смотрела она только на Вэнь Нин.

Вэнь Нин не ответила, лишь кивнула и проводила взглядом Гу Чиси и Тань Цзя, вышедших из самолета.

Экипаж тоже закончил смену. Группа доехала на служебном автобусе до отеля, и каждый, получив ключ от номера, разошелся по комнатам.

Вэнь Нин поселили в номере с большой кроватью. Комната была просторной и опрятной. Она открыла окно, чтобы проветрить, застелила кровать принесенным с собой одноразовым бельем и присела отдохнуть.

Было уже полпервого ночи. Вокруг царил тьма, город погрузился в тишину, огни погасли.

Она потянулась к галстуку, расслабила его, расстегнула верхнюю пуговицу формы и опустила взгляд в телефон. На внутреннем форуме все еще обсуждали жалобу, но ажиотаж заметно спал — казалось, инцидент был исчерпан.

Неизвестно почему, но на душе было беспокойно, словно должно было что-то случиться.

Тук-тук-тук.

Внезапно раздался стук в дверь.

Мысли Вэнь Нин спутались. Она взглянула на закрытую дверь, поднялась и направилась к ней. Не успела она коснуться ручки, как телефон завибрировал — пришло сообщение.

Открой.

Номер был незнакомым, но принадлежал Гу Чиси.

?

Вэнь Нин замерла. Снова раздался стук — очень тихий, словно гость боялся, что его услышат. Сердце ее сжалось, рука невольно потянулась к замку.

Есть дело.

Пришло второе сообщение.

...

Она тут же открыла дверь.

В коридор просочился мягкий желтый свет. Гу Чиси стояла снаружи в накидке, тонкой, как вуаль. Ее черты лица были холодны, а тонкие влажные губы слегка изогнуты — она казалась призраком, окутанным светом свечи.

Ты...

Не успела она договорить, как Гу Чиси боком проскользнула в комнату, прошла мимо нее и поставила холщовую сумку, которую держала в руках, на край стола.

Вэнь Нин закусила губу, выглянула в коридор, огляделась, закрыла дверь и защелкнула цепочку.

Как будто они занимаются чем-то запретным.

Она хотела повернуться, но вдруг почувствовала, как чьи-то руки обхватили ее за талию. Легкий аромат лимона окутал ее со спины, мягкое тепло мгновенно обволокло ее, прижимая все сильнее.

У самого уха послышалось горячее дыхание. Вэнь Нин вздрогнула, вытянувшись в струнку.

— Зачем ты пришла...

Она инстинктивно попыталась вырваться, но, как только шевельнулась, ее тут же прижали к двери.

Гу Чиси, стоя позади, уперлась в нее всем телом. Ее тонкие руки, словно мягкие веревки, крепко сжимали ее, а с губ сорвался хриплый шепот:

— Захотела увидеть тебя.

Галстук висел расслабленно, на рубашке была расстегнута пуговица. Взгляд Гу Чиси скользил сверху вниз: глубокая ямка на ключице, округлые изгибы, тайные ложбинки — все было видно как на ладони.

Гу Чиси обнимала ее все крепче, казалось, они сливаются воедино. Она не сдержалась и прижалась губами к ее уху, отстранилась и снова потянулась к нему.

— Теперь увидела, можешь уходить... — Вэнь Нин, прижатая к двери, стиснула зубы, чтобы голос не дрожал. Ей было невыносимо и страшно.

Человек за спиной не ответил, лишь осыпал ее ухо поцелуями.

Словно горный поток, долго копивший силу, найдя лазейку, он хлынул бурным течением. Воспоминания, согретые теплом, просачивались под кожу, разливались по телу и закипали.

Гу Чиси была напориста, а Вэнь Нин — пассивна. Она пыталась отвернуться, но не могла, пыталась вырваться, но ее руки были крепко схвачены. Она полностью оказалась во власти другого человека.

Ее охватила злость, к горлу подступила горечь.

— Не ожидала, что госпожа Гу любит посреди ночи заявляться в чужие номера, чтобы творить всякие непотребства! — выпалила она на одном дыхании, чувствуя, как сжимается грудь.

Она тяжело дышала и злобно усмехалась.

С какой стати?

С какой стати этот человек уходит и возвращается, когда вздумается? Почему она может бросить ее, не испытывая ни капли раскаяния, а потом ворваться в ее жизнь без малейшего стыда, совершенно не заботясь о ее чувствах?

Детская привязанность, повзрослевшая любовь — все это превратилось в самоистязание. За эти годы ей пришлось пережить немало потрясений. Она несла на своих плечах тяжелую ношу, шаг за шагом пробиваясь вперед, и думала, что давно стерла этого человека из памяти. Что все те моменты трепета, все те моменты осторожности — это багаж, который она давно выбросила.

Но на самом деле она просто спрятала рану в самый дальний уголок души, куда не дотянуться.

Стоило прикоснуться — и начинало невыносимо болеть.

А эта женщина не только коснулась, но и попыталась сорвать повязку.

Вэнь Нин разозлилась и говорила самые обидные вещи, какие только могла. Будь на ее месте кто другой, она бы, может, проявила вежливость, но Гу Чиси... эта женщина не знала стыда, так что церемониться не стоило.

В порыве гнева она впилась ногтями в ее руки, но не слишком сильно.

Гу Чиси тихонько охнула, но не отпустила, молча принимая это. Уголки ее губ едва заметно дрогнули, а затем она свободной рукой погладила Вэнь Нин по спине.

Ладонь была теплой, словно она успокаивала взъерошенного кота.

— Прости, — прошептала она.

Сердце Вэнь Нин дрогнуло, и ее «колючки» тут же обмякли. Она злилась на себя за слабость и упрямо молчала. Спустя время она холодно произнесла:

— Ты ведь специально выбрала этот рейс, да?

— М-м, как раз летела сюда по делам.

— Для меня огромная честь, что вы снизошли до полета гражданской авиацией.

Она не могла удержаться от колкости.

Гу Чиси слегка нахмурилась, тихо вздохнула и ответила еще тише:

— Не говори так.

Вэнь Нин вдруг стало не по себе, она закусила губу.

Рука за ее спиной медленно поднялась к шее и ласково погладила, но движение было вполне пристойным, без дальнейших попыток.

Гу Чиси была одета легко, накидка была почти прозрачной, а майка без рукавов плотно прилегала к телу, подчеркивая изящные изгибы. Вэнь Нин чувствовала каждое движение ее тела.

— У тебя появился кто-то любимый? — внезапно спросила Гу Чиси. Голос был низким, полным скрытого смысла.

Вэнь Нин, которую успокаивающие прикосновения заставили расслабиться, снова напряглась:

— Зачем спрашиваешь?

— Сначала ответь.

— А с какой стати я должна тебе отвечать?

Эта женщина всегда была властной, и всегда только с ней. Раньше Вэнь Нин считала это игрой, но теперь ей это совсем не нравилось. Как только та проявляла жесткость, Вэнь Нин невольно становилась еще жестче, выпуская иголки.

Гу Чиси больше ничего не сказала, повернула голову и поцеловала ее в щеку.

— Я хочу спать.

Вэнь Нин вырвалась, даже не взглянув на нее, и с каменным лицом выставила гостью, направившись к чемодану за вещами, чтобы пойти в душ.

— Я останусь у тебя, — Гу Чиси последовала за ней.

— Тебе негде спать?

— ...

— А помощница Тань?

— ...

Перед Вэнь Нин Гу Чиси не умела лгать, а если и пыталась, то выходило неубедительно. Она ничего не ответила, села на диван, закинула ногу на ногу и приняла расслабленную позу.

Вид у нее был такой, будто ее отсюда ничем не выгнать.

Вэнь Нин чувствовала себя неловко, но понимала, что та делает это специально, чтобы позлить ее. Она язвительно заметила:

— В компании есть правила проживания экипажа в отелях: запрещено оставлять посторонних на ночь. Ты хочешь, чтобы я нарушила правила?

Гу Чиси молчала, опустив длинные ресницы, скрывая взгляд, подобный глубокому омуту.

Когда эта женщина становилась упрямой, это было просто невыносимо. Бесстыдница.

Делать было нечего, Вэнь Нин махнула на нее рукой. В конце концов, компания и так принадлежала ей, захочет — правила поменяет. Она молча взяла ночную сорочку и ушла в ванную.

Раздалось шуршание, а следом — шум воды.

Гу Чиси подняла взгляд и тихо смотрела на силуэт, проецирующийся на матовое стекло ванной. В глубине ее глаз заплясали блики, она невольно погрузилась в свои мысли.

Была глубокая ночь, Вэнь Нин помылась быстро, через десять минут она вышла.

На ней была красная шелковая сорочка на бретелях с низким вырезом, с высоким разрезом сбоку, украшенным тонким кружевом. Сорочка была короткой, и при каждом шаге было видно лишнее.

Взгляд Гу Чиси застыл, она не могла оторваться.

— Не собираешься мыться? — Вэнь Нин, покачивая бедрами, прошла мимо нее без тени смущения. — Тогда не надейся лечь на кровать.

Полутораметровой кровати хватило бы им обеим. Она решила, что если та не будет вести себя прилично, она просто скинет ее на пол.

Гу Чиси слегка удивилась:

— Я могу спать на кровати?

— А где еще?

Она оглядела комнату — только диван был достаточно длинным. Она указала на него:

— Хочешь, спи на диване.

— Лучше на кровати, — тут же ответила Гу Чиси и встала, чтобы достать вещи из сумки.

Все, что нужно, было при ней. Очевидно, она подготовилась заранее: не только села на рейс Вэнь Нин, но и собиралась занять ее номер, лечь в ее кровать, пользоваться ее добротой и извлечь из всего этого максимум выгоды.

Это было похоже не на командировку, а на преследование.

Вэнь Нин поняла, что снова попала в ловушку.

Настроение внезапно упало, на душе стало тяжело и неприятно. Когда Гу Чиси ушла в ванную, она выключила основной свет, оставила лишь бра, накрылась одеялом и уставилась в потолок.

Вспомнилось многое...

В день своего двадцатилетия она призналась Гу Чиси в любви.

Горы подарков, торт, свечи, а за ними — лицо той самой женщины, освещенное мягким светом огня. В ее темных глазах блестели слезы, она улыбалась ей и поздравляла с днем рождения.

— Сестренка...

— М-м?

— Я хочу еще один подарок.

— Какой?

Вэнь Нин закусила губу, поманила ее пальцем, чтобы прошептать на ухо. Гу Чиси слегка наклонилась, и ее мягкие губы коснулись уха Вэнь Нин. Она услышала лишь одно слово, сказанное шепотом:

— Тебя.

В объятиях стало жарко, Вэнь Нин прижала ее к себе.

Взгляд Гу Чиси застыл, спокойный омут был взбаламучен. В ее глазах промелькнули непонятные чувства: удивление, смятение, что-то сложное, сдержанное — казалось, там было все и ничего одновременно.

Она улыбнулась, обняла Вэнь Нин за плечи и мягко сказала:

— Нин Нин, задувай свечи.

Поняла она или нет, услышала или пропустила мимо ушей — в любом случае ответа не последовало.

Вэнь Нин приуныла, в глазах отразилось разочарование.

Смелость не всегда была при ней. Она хотела сказать еще раз, яснее, но слова застряли в горле. С другими она была беззаботна, но перед Гу Чиси вечно сомневалась и робела. С того дня, как она полюбила, ее мир перевернулся.

К сожалению, потом шанса уже не было.

Семь лет стали непреодолимой пропастью между ними.

Пока она размышляла, навалилась дремота. Веки стали тяжелыми, и, в конце концов, она не выдержала и закрыла глаза...

Шум воды в ванной стих, зажужжал фен. Гу Чиси вышла в пижаме. В комнате царил полумрак, теплый оранжевый свет отражался на матовом стекле, словно лед в янтарном вине.

Фигура под одеялом не шевелилась, дыхание было ровным — Вэнь Нин уже крепко спала.

Гу Чиси стояла у кровати, подобно тени, отделившейся от ночи. Она молча смотрела на спящую Вэнь Нин, а спустя время наклонилась и осторожно поцеловала ее в лоб.

Погасив свет, она погрузила комнату во тьму и легла рядом.

Лунный свет падал на раму окна, холодный, как вода. Вокруг было очень тихо, чувства обострились, и дыхание друг друга стало отчетливо слышным.

Гу Чиси лежала на боку, лицом к Вэнь Нин. Ее глаза привыкли к темноте, и она видела размытый силуэт лица спящей. Она не удержалась и протянула руку, кончики ее пальцев почти коснулись губ Вэнь Нин, но она остановилась и медленно отдернула руку.

В ту ночь та женщина, возможно, тоже лежала рядом с Нин Нин.

Или, может быть, они...

Гу Чиси сжала кулаки.

В голове был хаос, уснуть не удавалось. Только к двум часам ночи ее начало клонить в сон.

На грани сна и яви она почувствовала, что лежащая рядом Вэнь Нин ворочается, что-то бормочет во сне.

— Почему... ты ничего... не сказала мне...

— Сестренка...

— Сестренка...

Вэнь Нин лежала на боку, зарывшись лицом в подушку, и несколько раз невнятно позвала сестренку.

Сердце Гу Чиси екнуло. Она затаила дыхание, боясь пошевелиться. Вскоре Вэнь Нин засопела носом, и все стихло, дыхание оставалось ровным.

— Нин Нин? — позвала она шепотом.

Было тихо.

Она выдохнула, приподнялась, осторожно придержала Вэнь Нин за плечи, перевернула на

спину и заключила в свои объятия.

Вэнь Нин, действуя инстинктивно, обхватила ее за талию.

На следующее утро Вэнь Нин разбудил будильник. Золотистые лучи солнца падали на одеяло. Она прищурилась, поднялась и огляделась — в комнате была только она.

Та женщина ушла неизвестно когда, оставив после себя лишь слабый аромат лимона.

В телефоне было сообщение, полученное полчаса назад.

Я вернусь в субботу.

Вэнь Нин смотрела на экран, мысленно перечитывая строчку несколько раз. Она пролистала историю сообщений вниз, нажала несколько раз и остановилась на пункте Добавить в контакты.

Поколебавшись, она так и не сохранила номер.

Утренним рейсом она вернулась в Лочэн. Дома Вэнь Нин поела, отдохнула, закончила заказ на иллюстрацию и поехала работать водителем.

Бизнес сегодня шел не очень, были только короткие поездки, и лишь к вечеру удалось взять заказ до аэропорта.

Солнце садилось, небо окрасилось в цвет апельсиновой корки.

Вэнь Нин развернулась у аэропорта, оставила машину на парковке компании и пошла в столовую.

В последние годы она редко готовила сама — лениво. Одной дома готовить неинтересно, да и мыть посуду потом не хочется, поэтому, если была возможность поесть в столовой, она ею пользовалась.

Еще одна причина — экономия: за пятнадцать юаней можно было очень сытно поесть.

Она часто слышала от коллег, что у тех, кто летает в небе, сбитый график, выходные не совпадают с общепринятыми, и жизнь кажется скитанием по свету, где весь мир — твой дом. А самое большое счастье — это знать, что в какое бы время ты ни приземлился, кто-то всегда ждет тебя дома.

На это она лишь презрительно фыркала.

Сентиментальность.

— Капитан Вэнь, какое совпадение.

Над головой раздался звонкий женский голос. Мысли Вэнь Нин прервались, палочки замерли, она подняла голову и увидела лицо с легкими чертами метиски.

Вань Сыци поставила поднос и села напротив.

?

— Капитан Вэнь не помнит меня?

Днем сестренка, ночью тоже сестренка =3=

— Помню.

В компании сотни пилотов и тысячи бортпроводников. Вероятность того, что тебя случайно поставят в один экипаж, ничтожна, невозможно знать всех в лицо. Но Вэнь Нин хорошо запомнила Вань Сыци: во-первых, у той была запоминающаяся красота, во-вторых, она воровала бортовое питание.

— А я думала, вы, как человек высокого положения, забывчивы и не помните меня уже через пару дней, — Вань Сыци растянула губы в яркой улыбке.

Слышалась ехидность.

Лицо Вэнь Нин застыло, она слегка прищурилась и серьезно произнесла:

— Говори прямо.

Она уже на семьдесят-восемьдесят процентов догадывалась, о чем пойдет речь, и плохое предчувствие, словно колокол, гудело в голове.

— Сначала поешь, — Вань Сыци покачала головой. — Поговорим после, чтобы не портить аппетит.

— ...

<http://bllate.org/book/19577/1919760>